

Л. Н. МАЗУР

МЕМОРИАЛЬНЫЕ МУЗЕИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ В ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

В статье рассматривается роль мемориальных музеев в конструировании государственного мифа и исторической памяти. Анализируется структура музейно-мемориального пространства России, его динамика на протяжении XX – начала XXI в. Особое внимание уделено характеристике мемориальных музеев руководителей советского государства – В.И. Ленина, И.В. Сталина и их влиянию на историческую память современного российского общества. Раскрываются функции музея в контексте механизмов социального инжиниринга, а также место и роль президентского центра Б.Н. Ельцина в формировании образа России 1990-х гг.

Ключевые слова: музеи, мемориальные музеи, советский миф, образ времени

Исторические музеи играют особую роль в формировании исторической памяти общества². Они образуют символическое пространство прошлого и, используя механизмы эмоционального сопереживания, включают его в историческое сознание и память новых поколений. Музей – единственная институция, способная дать посетителю подлинное переживание исторической реальности. В этом и состоит роль музеев как институтов памяти [Гюйссен 2012; Грусман 2007].

Процесс формирования образа прошлого в общественном сознании включает несколько этапов: он начинается с усвоения гипотетических исторических знаний в ходе общения с их носителями (преподавателями и/или очевидцами); затем они преобразуются в чувственный образ, благодаря эмоциональному соприкосновению с прошлым через визуальные источники – фотографии, фильмы, музейные выставки, места памяти; и на последнем этапе в ходе работы с текстами (научными и/или художественными) образы упорядочиваются и закрепляются в сознании в форме мифа – устойчивой эмоционально окрашенной системы представлений о событиях прошлого. В результате образ прошлого включается в индивидуальный жизненный опыт [Мазур 2017].

Роль музеев в этом информационном процессе совершенно особая: с одной стороны, они, как научные институты и аккумуляторы исторических знаний о прошлом, проводят оценочную селекцию исторических фактов и событий, присваивая им символические смыслы [Воронцова 2014]. Музеи – своеобразный трансформатор по преобразованию исто-

¹ Тема поддержана грантом РНФ (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

² См., напр.: Божченко 2012; Буринская 2006; Ростовцев, Сидорчук 2014.

рических знаний в убедительный и внешне достоверный миф. С другой стороны, они представляют собой контактное, эмоционально заряженное пространство прошлого и настоящего, транслируя новым поколениям их образы³. Вместе с тем, формируемый музеями образ прошлого подвержен серьезным деформациям. Во-первых, необходимо учитывать фактор времени: музеефикация исторических событий, объектов или персоналий всегда происходит позднее, иногда с большим разрывом во времени, т.е. представляет собой *реконструкцию* прошлого с опорой на социальный заказ и существующий уровень научных знаний о прошлом, околонучные представления и музейные технологии. Во-вторых, как правило, содержание музейных экспозиций (актуализированной информации) подчинено задачам государственной политики памяти.

Музеи выступают одновременно в качестве объекта и инструмента культурной политики государства. Сложная природа исторического музея как модели и инструмента создания образа прошлого раскрыта в концепции исторической памяти Пьера Нора. Он относит музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты и протоколы (документы), монументы, храмы и прочие материальные объекты к понятию «места памяти», аттестуя их в качестве «свидетелей другой эпохи» [Нора 1999: 26]. Нора отмечает свойства мест памяти – материальность, символичность и функциональность [там же: 40]. Музей, как форма коммеморации, с наибольшей полнотой интегрирует все эти три свойства, что позволяет рассматривать его в качестве концентрированного выражения, кода историко-культурной памяти народа, где отображены, сохранены, ранжированы все наиболее значимые для общества образы и символы, традиции и события. Другой важнейшей функцией музея является трансляция и распространение этих образов, включение их в общественные практики – образовательные, научные, развлекательные, познавательные и проч. Выполняя функции социальной рефлексии, коммуникации и инжиниринга, музеи становятся одним из важнейших конструкторов исторической памяти общества, а также национальной и региональной идентичности [там же: 40]⁴.

Мемориальные музеи как инструмент и результат конструирования государственного мифа

Формирование музейного пространства – сложная задача, в решении которой в равной степени заинтересовано общество и государство. Особое значение музеи, как институты памяти, приобретают *в условиях становления новой государственности*. В истории России нового и

³ Поэтому П. Нора охарактеризовал музей как «базовый инструмент исторической работы» и «наиболее символический объект нашей памяти» [Нора 1999: 26].

⁴ Мастеница 2015; Наварро 2010; Марков 2009; Резник 2012; Anderson, Reeves 1996; Шнирельман 2010; Kelly 2011; Красильникова 2011; Нурлигенова 2012; и др.

новейшего времени выделяется несколько таких периодов: образование Российской империи в начале XVIII в.; становление Советского государства в 1917–1930-е гг.; создание Российской Федерации в первой половине 1990-х гг. Это наиболее дискуссионные этапы отечественной истории, поскольку каждый раз формирование новой государственности шло на фоне отрицания прошлого, старые мифы и образы власти разрушались и им на смену создавались новые.

Первоочередная задача новой власти – легитимация, которая тесно связана с перекодированием пространства и сознания на всех уровнях его организации, включая язык, традиции и нормы (поведение) и память. Наиболее активно этот процесс протекал в раннесоветский период: разрушение мест памяти Российской империи и создание новых было нацелено на конструирование социалистического мифа, формирование нового сознания, доминантами которого стала устремленность в будущее и историческая амнезия (забвение прошлого). Для советского человека на первом месте была идея будущего, настоящее воспринималось через призму преодоления и жертвенности, а прошлое было интересно как пролог к будущему, т.е. было редуцировано до логической схемы доказательства закономерности и неизбежности настоящего и будущего. Такой социальный заказ нашел отражение в структуре мест памяти и в музейных практиках советской власти, нацеленной на увековечение подвига настоящего во имя будущего. В постсоветский период разрушительный порыв был выражен слабее и ограничился несколькими демонстративными актами (например, демонтаж памятника Ф. Дзержинскому на Лубянке 23 августа 1991 г. или переименование улиц и городов в 1990-е гг.). Общее пространство мест памяти в целом сохранилось, что свидетельствует о преемственности и генетическом сходстве новой власти, в целом воспроизводящей советскую модель.

Новая власть нуждается в новом государственном мифе, и для решения этой задачи старый миф может быть частично переписан, если власть признает преемственность с прошлым. В случае ее отрицания происходит полная ремифологизация, как это было в раннесоветском обществе, т.е. формируется новый государственный миф. В этом случае необходимо переписать весь мифологический цикл, включая миф сотворения; миф преображения; эсхатологический миф; а также героическую и ностальгическую мифологию (миф о золотом веке). Такая масштабная работа требует мобилизации всего культурного потенциала общества, включая науку, искусство, литературу, кинематограф, и подчинение его задачам идеологии. Своя роль в этом процессе отведена местам памяти – в первую очередь, памятникам, документам, топонимам, праздникам, музеям, которые непосредственно включены в повседневность и первыми подключаются к выполнению идеологического заказа, символически преобразуя время и пространство.

Советский миф опирался на идеологические постулаты, изложенные в работах Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Особенностью советского мифа было активное использование библейских сюжетов, представлений об Октябрьской революции как акте сотворения нового мира («Десять дней, которые потрясли мир»); коммунизме как воплощенной мечте о рае; эсхатологические представления были обращены в прошлое, которое рассматривалось как темное царство. Советский миф был призван вытеснить и заместить в сознании советских людей христианскую доктрину, сформировать новую советскую идентичность. Основу новой мифологии составляли представления об окружающем мире как пространстве, расколотом на два антагонистических лагеря (земное и духовное/небесное), между которыми возможна только беспощадная борьба. Это пространство заселили новые герои/защитники и титаны/покорители природы. Формируется и новый образ врага, особенностью которого была социальная маркировка (буржуй, помещик, кулак, мещанин, бюрократ, интеллигент) и статус «чужого» среди «своих» («бывший», «чуждый», «вредитель») [Николаева 2012]. Финальная версия мифологического пантеона (вожди+герои+титаны) нашла отражение в сформированном в 1970-е гг. музейно-мемориальном пространстве СССР, дополненном краеведческими музейными объектами. Они сохранились и в постсоветской России, которая выступила преемницей советского государственного мифа, только слегка обновив его.

В мифологическом цикле важное место занимает миф «сотворения», он объясняет, легитимирует и сакрализирует (мотив жертвы) новую власть. Революционный миф начинает формироваться уже в ходе событий 1917 г. и окончательно оформляется в 1930-е гг. В канонической форме революционный миф сотворения был озвучен и закреплен в тексте Краткого курса ВКП(б), который стал эталоном для исторических интерпретаций прошлого [История... 1945]. Главным героем сюжета о рождении нового мира является «творец» – создатель советского государства. Опора на архетип «троицы» способствовала формированию сложно сконструированного образа «творца», где роль «отца» была закреплена за Марксом, «сына» – за Сталиным, а «святого духа» – за Лениным. В ходе «оттепели» и ревизии канонизированной в «Кратком курсе» версии раннесоветской истории образ творца подвергся частичной деконструкции, но фигура Ленина осталась за пределами критики, приняв на себя основную «творческую» нагрузку. Он остается центральной фигурой истории XX века, увековеченной в разнообразных вариантах мест памяти – топонимах, скульптурах, мемориальных музеях.

Мы остановимся на роли мемориальных музеев политических деятелей, которые несли наибольшую идеологическую нагрузку в решении задач создания образа прошлого, персонифицируя его, а также на динамике формирования музейно-мемориального пространства, поскольку

она непосредственно связана с логикой создания мифа: в первую очередь происходит музеефикация событий, объектов и персоналий, символизирующих революцию, и конструирование образа творца, затем вождей, потом наступает черед героев, и заключает эту цепочку создание мемориальных музеев, посвященных «титанам»: ученым, изобретателям, космонавтам – покорителям природы. Несколько особняком стоят деятели культуры – писатели, художники, композиторы, вклад которых признан на мировом уровне. Музеефикация их персональных историй важна для национальной идентичности и имеет свою логику развития, хотя и здесь заметно влияние идеологического фактора.

Исторические вехи становления и развития музейно-мемориального пространства в России

В развитии музеев как институтов памяти выделяются несколько этапов: подготовительный (до XVIII в.), период институализации (XVIII – первая половина XX в.), период интеграции (вторая половина XX в. по настоящее время) [Акулич 2004: 90]. Хотя предложенная музеологами периодизация опирается на организационно-институциональный принцип, она непосредственно соотносится с моделями исторической науки и соответствующими им практиками коммеморации.

Для анализа роли музеев в формировании исторической памяти перспективной выглядит предложенная М.Ф. Румянцевой гипотеза об эволюции форм коммеморации от «естественной», характерной для классической исторической науки, к «искусственной», конструируемой в логике постмодерна [Румянцева 2016]. «Естественная» коммеморация настроена на сохранение прошлого в максимально достоверной форме («как оно было на самом деле»). Таков был девиз исторических музеев XVIII – начала XX в., для которых главной ценностью был музейный артефакт, имевший статус «свидетеля времени». Но уже в раннесоветский период музейные практики, подчиненные задачам пропаганды, начинают переориентироваться на новые принципы презентации прошлого через конструирование его образов и исторической памяти в соответствии с социальным заказом. К концу XX в. эта перестройка завершается утверждением новых подходов к музейной деятельности как «перформансу» актуальных для власти интерпретаций истории, выдавая «возможное за действительное» и усиливая разрыв между научной и социально ориентированной историей [Румянцева 2016: 24; 2012].

Логический результат реализации данного подхода – появление в 2017 г. в крупнейших городах РФ мультимедийных исторических парков «Россия – моя история», главным объектом которых стали не музейные экспозиции, демонстрирующие документы, предметы, артефакты, а образы прошлого, презентация которых опирается преимущественно на визуальный контент без обращения к системе доказательств классической науки. Для narra-

тива исторических парков характерна, помимо интерактивной визуализации основных событий, краткая форма сопроводительных текстов (заголовки, лозунги, тезисы), опора на мнения «медийных» лиц – преимущественно, политиков и писателей. Причем эти мнения могут носить диахронный характер, представляя собой голоса из будущего. Визуальный ряд экспозиций ленты времени поддерживают аудиозаписи, повторяющие доступный для общего визуального восприятия текстовый контент, дополненный музыкальным или шумовым оформлением.

Таким образом, концепция исторического парка ориентирована на достижение комплексного информационного эффекта, получаемого при загрузке всех органов чувств – зрения, слуха, прикосновения (сенсорные экраны) и обеспечивающего закрепление в памяти эмоционального образа, в котором доминирует цвет, звуковые акценты и ключевые слова, представленные в заголовках стендов («достижения», «успехи», «планы нападений», «диссиденты и Запад» и проч.).

Так, например, экспозиция истории 1930-х гг. поделена на три части: две, расположенные по краям зала и отделенные стеной от общей экспозиции, посвящены репрессиям. Причем, сначала посетитель попадает в затемненное пространство, где представлена информация о репрессированных церковнослужителях. Эта часть оформлена в церковном стиле с лампадами перед образами мучеников. Вторая экспозиция по политическим репрессиям расположена в противоположном конце зала, реализована в строго научном ключе (есть интерактивная карта лагерей, биографии наиболее заметных политических деятелей, можно получить данные по статистике осужденных) и находится как бы в стороне от основного экскурсионного маршрута. Далеко не всякий школьник заглянет в этот уголок экспозиции, выполненный в серо-грязных тонах и не озвученный текстовым или музыкальным сопровождением.

Зато центральная часть зала, занимающая 2/3 общего пространства, освещена солнечным/золотым светом, оформлена в радостных небесно-голубых тонах. Здесь представлена информация о достижениях индустриализации, коллективизации, росте уровня и качества жизни. Визуализация успехов достигается за счет широкого использования советского плаката 1930-х гг., праздничных открыток, демонстрации документальных и художественных фильмов. Важную роль играет звуковое оформление экспозиции – популярные мелодии того времени, преимущественно марши. Все направлено на формирование образа «золотого века» советской истории. И даже информация о репрессиях, голоде, трагедии коллективизации, не влияет на общее впечатление, поскольку успехи и достижения оправдывают все. Зал «СССР в 1930-е гг.» оказался наиболее позитивно заряженным из всей советской истории, как и выполненная в зелено-золотой гамме экспозиция по совре-

менной России, однако, если в первом случае позитив достигается за счет визуальных образов, то зал современной России наполнен статистическими графиками, диаграммами, таблицами: по основным позициям идет сравнение показателей 2000 и 2017 г. Картина получается вполне радужная, если не принимать во внимание, что стоимостные показатели приведены без учета инфляции.

В целом, логика эволюции моделей коммеморации от «естественных» к «конструируемым» хорошо прослеживается в исторической динамике музейно-мемориального пространства. Рассмотрим ее на примере мемориальных политических музеев.

В 1714 г. Петр I основал Кунсткамеру [Хартанович 2014]. Первые мемориальные музеи в России также связаны с именем Петра I и появились практически сразу после его смерти. В 1726 г. Екатерина I выкупила дом ремесленника И. Луде в Нарве, где останавливался Петр I. В 1729 г. в Кунсткамере был воссоздан «Императорский кабинет», выставлены личные вещи Петра I, его инструменты и коллекции. В XIX в. мемориальными объектами становятся его дома в Петербурге (1831), на о. Маркове в устье Северной Двины в Вологде (1885), в 1803 г. близ Переславля-Залесского был построен музей для сохранения ботика Петра I и остатков других кораблей. Свой вклад в развитие мемориального пространства, связанного с именем Петра I, внесла советская власть: в 1930 г. деревянный Домик Петра I на Петроградской стал музеем; с 1934 г. музейный статус приобрел Летний дворец Петра I.

Всего на протяжении XIX – начала XX в. в Российской империи было создано около 20 мемориальных музеев, среди них «Кутузовская изба», «Карамзинский кабинет» в Остафьево, Дворец в Таганроге, где умер Александр I. В дореволюционный период большинство музеев возникало по частной инициативе [Мемориальные музеи...]. Ситуация существенно изменилась после Октябрьского переворота. Роль музеев возросла на фоне разрыва традиции, уничтожения культурного слоя имперской эпохи и необходимости формирования официальной истории событий революции и гражданской войны. Уже в ходе революции начался процесс конструирования нового пространства памяти, активно обсуждался вопрос о создании Музея Революции (его инициатором выступило Общество памяти декабристов) [История музея...]. Весной 1918 г. был принят декрет о сносе памятников царской России и возведении революционных монументов [Декрет о памятниках, с. 95-97].

В 1919 г. Совнарком утвердил «Положение о Музее революции», в соответствии с которым по всей стране планировалось создать сеть музеев: два центральных (всероссийских) – в Петрограде и Москве, а также местные музеи революции в губерниях. В их задачи входило «собирание и охранение памятников русской революции в самом широком смысле этого слова – вещественных, книжных, рукописных, архивных и

т.д.», а также охрана могил революционеров по всей России, установка им памятников и «прибитие памятных досок» [История музея...]. Первый Государственный музей революции (ГМР), созданный решением Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов 9 октября 1919 г. и расположенный в Зимнем дворце, выполнял функции научно-методического центра, нацеленного на всестороннее освещение мирового революционного движения. К концу 1920-х – началу 1930-х Музей революции уже включал несколько филиалов, в т.ч. Трубецкой бастион Петропавловской крепости, Шлиссельбургскую крепость, «Шалаш» и «Сарай» в Разливе, где скрывался Ленин в 1917 г., музей В.И. Ленина в Смольном, усадьбу графа А.А. Аракчеева в Грузино и др.

В начале 1920-х гг. музеи революции появляются в Вологде, Новгороде, Пскове, ряде городов Белоруссии и Украины. В 1924 г. был открыт Музей революции в Москве. К тому же времени относится создание (как правило по частной инициативе) первых мемориальных музейных объектов – Дом-музей Н.Г. Чернышевского (1920); Музей-квартира П.А. Кропоткина (1921). Настоящий бум мемориальных объектов начался после смерти Ленина, давшей толчок к появлению сначала «Уголков Ильича», создаваемых по инициативе «снизу», а затем и полноценных музеев. Так, в 1923 г. в особняке М.Ф. Кшесинской, где весной-летом 1917 г. работал Ленин, был открыт «Уголок Ильича», реорганизованный к 10-летию Октябрьской революции в музей-квартиру В.И. Ленина. В 1924 г. «Уголок Ильича» был создан по инициативе жителей Казачьего переулка, где в доме 7 в 1894–95 гг. жил В.И. Ульянов. В 1938 г. на его основе был открыт музей-квартира В.И. Ульянова – филиал Ленинградского филиала Центрального музея В.И. Ленина⁵. Однако не все инициативы снизу поддерживались правительством. Нередко местные власти пытались решить задачи сохранения историко-культурного наследия, ссылаясь на необходимость меморизации отдельных фактов жизни Ильича. Так, например, в 1920-е гг. заведующий секцией культуры и быта Нижегородского губернского архивного бюро И.И. Вишневский пытался получить средства для реставрации двух башен Нижегородского кремля, опираясь на свидетельства очевидцев о посещении их Лениным в 1901 г., но неудачно. Башни были реставрированы только в 1950–1960-е гг., а вопрос о достоверности приведенных Вишневским фактов так и остался открытым [Уткина 2013].

Первоначально формирование памятных мест шло стихийно, не всегда создаваемые музеи имели мемориальные коллекции или находились в мемориальном месте. Это было не важно. Мемориальные музеи в раннесоветском обществе воспринимались, скорее, как символы-

⁵ В настоящее время это музей «Разночинный Петербург», сохранивший статус мемориального объекта.

ческие объекты, места поклонения, призванные увековечить не столько память, сколько образ вождя. Эту же функцию выполняли Ленинские комнаты, Красные уголки, которые создавались повсеместно: в школах и учреждениях, цехах и больницах, колхозах и советах. Здесь располагались портреты или бюсты вождей, символы новой власти (флаг, герб), формируя особое, освященное пространство, где приносились клятвы и обещания, восхваляли героев и проклинали врагов.

Исторические и мемориальные музеи, посвященные политическим деятелям, формировались в первую очередь как пропагандистские институты. Задачи сохранения историко-культурного наследия в этом случае отходили на второй план. С особой силой эта особенность советских историко-мемориальных музеев проявилась в 1930–1940-е гг., когда происходит переход от форм «естественной» коммеморации к конструируемым. В декабре 1930 г. состоялся первый музейный съезд СССР, на котором, помимо осуждения краеведческого движения и закрытия ряда музеев, была провозглашена новая концепция музейного дела. Экспозиции должны были служить иллюстрацией идей марксизма-ленинизма, отражать успехи коллективизации и индустриализации.

На фоне ограничения научных функций музеев, в 1930-е гг. в разных концах страны создаются десятки музеев вождей (Ленина, Сталина) и их соратников (С. Кирова, Я. Свердлова, М. Калинина, К. Ворошилова, С. Буденного и др.). Новыми мемориальными объектами пополняется история революционного движения: в 1941 г. был открыт музей революционера-подпольщика И. Бабушкина, расстрелянного в 1906 г., созданы музеи В. Белинского (1938) и А.Н. Радищева (1945). Подошла очередь канонизации героев: в 1936 г. появился первый музей, посвященный В. Чапаеву, а затем в течение нескольких лет в его честь были созданы еще два музейных объекта. В 1940 г. был открыт музей В. Чакова. После Великой Отечественной войны сеть мемориальных музеев дополняется новыми объектами, посвященными героям и полководцам войны. В 1960–1970-е гг. список музеев расширяется за счет мемориальных объектов космонавтов, ученых, изобретателей. Оттепель внесла заметные коррективы в мемориальное пространство. На волне десталинизации были закрыты памятные места, связанные с именами И. Сталина, В. Молотова, К. Ворошилова и др. Был принят ряд указов и постановлений о переименовании населенных пунктов, областей и районов. Введен новый порядок присвоения имен выдающихся деятелей политики, науки и культуры топографическим объектам⁶.

Изменения коснулись и статуса мемориальных музеев. В 1967 г. было принято «Положение о мемориальных музеях системы Министерства культуры», которое в известной степени упорядочило процессы

⁶ Постановление... 1965, с. 114; Указ..., 1957, с. 494; 1968, с. 191; и др.

музеефикации и определило обязательные условия организации музея, к числу которых относилось расположение его в мемориальном месте, а также наличие подлинных предметов [Косторакова 2003]. В результате ряд музейных объектов, не соответствовавших нормативным требованиям, были закрыты. С другой стороны, в 1970-е гг. стали открываться мемориальные музеи лиц, которые укрепляли советский миф, но не были по разным причинам увековечены в сталинский период – Г. Плеханова, Г. Чичерина, Г. Кржижановского, А. Луначарского и др.

Обогадилась новыми мемориальными объектами досоветская история революционного движения: в 1960–1980-е гг. в разных городах Сибири и Урала – местах ссылки декабристов, – были открыты восемь мемориальных объектов. Появились музеи национальных героев освободительного движения и организаторов автономий – Салавата Юлаева, Сухэ-Батора, М. Аммосова, т.е. музейно-мемориальное пространство стало более разнообразным, но не входило в противоречия с советским государственным мифом.

Современное мемориально-музейное пространство

В 1990-е гг. структура мемориальных музеев в целом сохранилась. Заметно выросла их численность: появилось много новых мемориальных объектов, связанных с именами деятелей культуры, не принимавших советскую власть – М. Цветаевой, В. Высоцкого, П. Флоренского, А. Сахарова, А. Солженицына и др. Историко-революционные и краеведческие музеи, учитывая новые веяния, стали перестраиваться и менять экспозиции. Так, например, Музей-заповедник «Сибирская ссылка В.И. Ленина» был преобразован в 1993 г. в Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское», где наряду с мемориальными объектами были созданы новые экспозиции, реконструирующие повседневность сибирского села – хозяйственную жизнь, быт, духовную культуру крестьян рубежа XIX–XX вв.

В музейном ландшафте современной России мемориальные музеи составляют примерно 9,7% (581) от общего числа 5981⁷. Это музейные объекты, посвященные историческим личностям – преимущественно, писателям, художникам, ученым, героям военных лет. Удельный вес мемориальных музеев политических деятелей в общем списке не превышает 20%, но они представлены крупными музейными центрами, формирующими образ эпохи и дополняются сетью исторических и краеведческих музеев, активно работающих с мемориальными артефактами, удельный вес которых составляет 48,2% от общего числа музеев. Важно и то, что политические мемориальные музеи территориально распределены по всем регионам страны, образуя своеобразный каркас, поддерживающий память о советском прошлом, его вождах и героях.

⁷ Подсчитано по сайту «Музеи России».

В музейном пространстве России по количеству мемориальных объектов выделяются три имени – Петр I, В.И. Ленин, И.В. Сталин.

Четыре музея связаны с биографией Петра I: Летний дворец, Домик Петра I в Санкт-Петербурге, Дом-музей Петра I в Вологде и музей-усадьба «Ботик Петра I» в Переяславле-Залесском. Помимо них, экспозиции, посвященные первому российскому императору, имеются в ряде других исторических музеев, например, Центральном военно-морском музее, т.е. реально их число существенно больше.

Практически полностью сохранились памятные места (включая памятники, топонимы, памятные дни), связанные с именем В.И. Ленина. В общей сложности насчитывается 24 музейных объекта – комплексы, заповедники, научно-культурный центр, дома-музеи, мемориальные квартиры, большинство из которых было открыто в 1930–1940-е гг.

К числу крупнейших музейных комплексов относятся «Горки Ленинские» (Московская область), «Родина Ленина» (Ульяновск), научно-культурный центр «Музей В.И. Ленина» (Горки Ленинские). В Петербурге насчитывается восемь музейных объектов, в т.ч. музейный комплекс «В Разливе», историко-мемориальный музей «Смольный». Географический охват ленинских мемориальных мест очень широк – Красноярский край, Казань, Выборг, Самарская, Ульяновская, Псковская области. Музеефицирован буквально каждый эпизод жизни Ленина, детально конструируя образ творца – вождя Революции и основателя Советского государства. Здание НКЦ «Музей В.И. Ленина» в Горках, получившее символическое название «Парфенон», выполнено в форме куба, окруженного колоннадой (1987, арх. Л.Н. Павлов), Низкий потолок, черный мрамор, бронзовые светильники в форме факелов, статуя Ленина, освещенная прожекторами – все создает ощущение храма, воздвигнутого во имя Богочеловека⁸.

Музей оснащен современными технологиями, широко используются визуальные эффекты. В центре каждого зала расположен куб из черного стекла, внутри которого транслируются кино, видео, слайд-проекции, музыка, уникальные записи выступлений Ленина, применяются лазерные проекции. В экспозиции представлены подлинные документы эпохи, кинохроника, фотографии, многофигурные реконструкции, они погружают посетителя в историческую среду первых лет советской власти. В центре работает библиотека и архив, который в 1990-е гг. пополнился документами об альтернативных программах преобразования России, фотографиями лидеров Белого движения.

⁸ По мнению Е. Болтуновой, такой формат презентации вождя непосредственно связан с имперской мемориальной стратегией, которая с особой силой проявилась в позднесоветскую эпоху, дополнив советскую стратегию меморизации, для которой был характерен акцент на обыденности [Болтунова 2017].

Несмотря на ревизию советского прошлого в 1990–2000-е гг., В.И. Ленин сохранил свои позиции наиболее значимого политического деятеля XX века – символа советской эпохи. Интересно, что его образ «творца» не подвергся серьезной деконструкции и в целом соответствует созданным в советскую эпоху канонам – вождя революции, государственного деятеля, мыслителя, «самого человеческого человека», гениального ребенка. Другим руководителям советского государства – И. Сталину, Н. Хрущеву, Л. Брежневу, М. Горбачеву – повезло меньше: все повороты и тупики исторического пути советского государства отразились на оценке их личности. Руководители, бывшие у власти после Сталина, вообще не представлены в современном музейном пространстве. Исключение составляет фигура самого Сталина.

Места памяти «отца народов», созданные в 1930–1940-е гг., имели сложную судьбу: их закрывали на волне «оттепели», в постсоветский период началось их восстановление, появились новые мемориальные объекты. В настоящее время в России, по приблизительным подсчетам, имеется более десятка музейных объектов, большинство из которых были открыты в 2000-е гг.: музей «Дом-памятник политических ссыльных» в Сольвычегодске, где с 1908 по 1910 гг. отбывал ссылку Сталин; музей «Вологодская ссылка» (г. Вологда). В Волгограде в 2006 г. открылся музей Сталина в здании культурного центра «Сталинград» на Мамаевом кургане. В Уфе к 132-й годовщине со дня рождения Сталина был создан частный музей; в Самаре – музей под названием «Бункер Сталина»; в Сочи – «Дача Сталина»; музей «Август 1943 г.» в дер. Хорошево близ Ржева и др.⁹ Восстановление мест памяти Сталина связано не только с тенденцией ресталинизации, характерной для современной политической ситуации, но и коммерциализацией музейных практик, развитием туризма, распространением идеологии шоу в музейной деятельности, а также с частной инициативой, отражающей настроение определенных слоев общества.

Иначе сложилась судьба мемориальных мест, связанных с именами соратников Сталина. Хрущевская оттепель внесла свои коррективы в реструктуризацию карты мемориальных центров – многочисленные объекты, посвященные В. Молотову, К. Ворошилову и другим лицам, олицетворявшим сталинский режим, были закрыты. В настоящее время на территории России сохранились в общей сложности 17 мемориальных музеев политических деятелей раннесоветской эпохи, в т.ч. 4 музея С.М. Кирова: Историко-краеведческий музей с мемориалом Кирова и выставочным залом, Мурманская область (1934); Музей-квартира в Петербурге (1938); Мемориальный музей-квартира С.М. Кирова, Рес-

⁹ Всего журналистами было выявлено 13 музейных объектов в РФ и два музея в Грузии (Гори и Батуми) [Алехина 2012].

публика Северная Осетия-Алания (1939); Музей «С.М. Киров в Сибири», Новосибирская область (1947). Трагическая гибель С.М. Кирова и его канонизация советской властью как жертвы / мученика способствовали сохранению мест памяти, созданных преимущественно в 1930–1940-е гг. и их незначительную последующую трансформацию.

Два музейных объекта связаны с именем М. Фрунзе. В 1934 г., по инициативе К. Ворошилова, был открыт Дом-музей М.В. Фрунзе (Самарская область). Современная экспозиция рассказывает о противостоянии на Восточном фронте армий Фрунзе и Колчака, о «красных», «белых» и «зеленых», об антисоветском восстании в тылу Восточного фронта («чапанной войне»), дезертирстве в Красной и Белой армиях и других страницах истории. В 1992 г. мемориальная часть Шуйского музейно-культурного центра им. М.В. Фрунзе (открыт в 1939 г.) пополнилась экспозицией «Время и судьбы» об истории Ивановской области и г. Шуи в XX в. (быт, культура, политика). Таким образом, в этом музейном сегменте наблюдается трансфер в сторону местной и военной истории, которые ранее служили фоном для житийного нарратива.

Популярной фигурой в музейном пространстве остался В. Чапаев, личность которого, благодаря знаменитому фильму, обрела символический статус. Он стал героем революционного мифа преображения. В настоящее время сохранились четыре музейных объекта, поддерживающих память о легендарном начдиве: Музей В.И. Чапаева (филиал Чувашского национального музея), открытый 9 мая 1974 г.; Дом-музей В.И. Чапаева в г. Балаково (1948, Саратовская область); Дом-музей 25-й Чапаевской дивизии (1936, Республика Башкортостан); Мемориальный дом-музей В.И. Чапаева (1939, Саратовская область). В советские годы музеи, посвященные В. Чапаеву и боевому пути 25-й дивизии, существовали во многих школах. Интересно, что наиболее ранним мемориальным объектом стал Дом-музей 25-й Чапаевской дивизии, где в течение шести дней (со 2 по 7 июня 1919 г.) размещались штаб и полевой лазарет дивизии. Такой, почти случайный выбор объекта музеефикации, свидетельствует о целенаправленной политике конструирования нового образа народного героя, который должен был вытеснить из памяти и заместить бывших героев Гражданской войны, подвергшихся репрессиям. Создание музея стало актом удостоверения правды художественного фильма о Чапаеве. В конце 1930-х – 1940-е гг. открылись еще два музея в Саратовской области, где жила семья Чапаевых. Наконец в 1970-е гг. возводится мемориальный комплекс в Чувашии, на родине В. Чапаева, что завершает канонизацию героического образа. Комплекс, расположенный в Чебоксарах, представляет собой полностью сконструированный объект, поскольку сам дом, где родился В. Чапаев, не сохранился. На его месте было построено здание музея, а в 1986 г. восстановлен и сам дом. Кроме того, комплекс включает мемориальную стелу с барель-

ефами соратников Чапаева (1974), памятник герою и сквер В.И. Чапаева (1960). Знаменательно создание этого комплекса в позднесоветский период: фактически он завершил героический нарратив, начало которому положили фильм режиссеров Васильевых и роман Д. Фурманова. Мемориальные места В. Чапаева – пример последовательно конструируемой памяти, которая постепенно достраивается, удостоверяя историческую правду, созданную первоначально художественными средствами.

Кроме того, от советской эпохи сохранились мемориальные музеи Г.М. Кржижановского – в Москве (1968) и Красноярском крае (1970), музеи С.М. Буденного (1939), С. Орджоникидзе (1940), М.И. Калинина (1940), В.В. Куйбышева (1947), А. Луначарского (1965), Г.В. Плеханова (1977), Г.В. Чичерина (1987). Музей Н. Крупской был организован только в 1996 г., что тоже красноречиво свидетельствует о принципах меморизации, реализуемых советской властью. Статус спутницы и соратника вождя мешал признанию самостоятельной политической роли Н. Крупской, кроме того действовали гендерные стереотипы, отводившие женщинам второстепенное место не только в советской управленческой системе, но и в историческом процессе.

В постсоветскую эпоху появилось три объекта, сохраняющих память о времени формирования новой российской государственности:

- Музей становления демократии в современной России им. Анатолия Собчака (Санкт-Петербург), основан в 2003 г.
- Историко-мемориальный музей В.С. Черномырдина (Оренбургская область), открыт в 2011 г. в с. Черный Отрог Саракташского района. Цель музея – изучение и популяризация исторического наследия, связанного с деятельностью первого Председателя Правительства РФ В.С. Черномырдина. Музей создан по типу визит-центра, представляет собой многопрофильный комплекс, объединяющий мемориальный, исторический, научно-технический и сельскохозяйственный музеи.
- Президентский центр Б.Н. Ельцина (Ельцин-Центр) в Екатеринбурге, основная задача которого определена в Уставе как *сохранение, изучение и осмысление исторического наследия Бориса Ельцина в контексте политических событий 1990-х.*

В Горбачев-фонде на Ленинском проспекте в Москве имеется экспозиция «М.С. Горбачев: жизнь и реформы», создание музея первого и единственного Президента СССР пока не планируется [Болтунова, 2017] и, возможно, никогда не будет реализовано, поскольку М.С. Горбачев не включен в государственный миф новой России.

Президентский центр Б.Н. Ельцина в Екатеринбурге

Президентский Центр Б.Н. Ельцина в некотором роде открывает новую страницу истории мемориальных музеев. Он был создан в соответствии с принятым в 2008 г. федеральным законом № 68 «О центрах исторического наследия президентов Российской Федерации, прекративших исполнение своих полномочий» [Федеральный закон... 2008] и

свидетельствует о позиции правительства, направленной на сохранение памяти о российских президентах, меморизации их жизни и деятельности. В законе определены не только задачи президентских центров, но и их структура, система управления, статус. Любой президентский центр в своем составе должен иметь музей, библиотеку, архив, научно-исследовательский совет. Прототипами такой структуры стали, во-первых, позднесоветские мемориальные практики, в частности Музей В.И. Ленина в Горках и научно-информационный центр; во-вторых, американский опыт меморизации жизни и деятельности президентов.

Ельцин-Центр открылся в Екатеринбурге 25 ноября 2015 года¹⁰. В музее центра экспонируется коллекция мемориальных документов и предметов, переданных семьей и связанных с жизнью и общественно-политической деятельностью Б.Н. Ельцина на посту президента, а также из предметов, которые раскрывают дух эпохи становления новой государственности. Экспозиция расположена в девяти залах, в центре внимания выставки не биография президента, а история страны, ее путь к свободе. Страницы жизни Б. Ельцина вплетены в историческую канву советской эпохи, расписанной буквально по годам с акцентом на периоде его президентской карьеры. Музейную экспозицию открывает «Лабиринт истории» – зал, который вводит посетителей Центра в общественно-политический контекст XX в. Первому президенту России и его эпохе посвящен второй этаж музея. Здесь располагается комплекс залов под общим названием «Семь дней, которые изменили Россию», каждый зал связан каким-то переломным моментом в истории страны второй половины 1980–1990-х гг.: день первый «Мы ждем перемен»; день второй «Августовский путч»; день третий «Непопулярные меры»; день четвертый «Рождение Конституции»; день пятый «Голосуй, а то проиграешь»; день шестой «Президентский марафон»; день седьмой «Прощание с Кремлем». Завершает экспозицию Зал Свободы, где можно услышать из уст разных людей определение понятия «свобода». Так создается новая мифологическая история *свободной России*, в которой образ творца связан с личностью ее первого Президента. При конструировании образа акцент сделан на человеческих качествах и даже слабостях, благодаря которым достигается преодоление встающих на его пути препятствий. Такая трактовка расходится со стратегией мифологизации вождей революции, но соответствует требованиям современного информационного общества с его возможностями формирования альтернативных образов и медийной средой, а также учитывает противоречивое отношение российского общества к данной политической фигуре. Музей предлагает разные способы знакомства с экспозицией, учи-

¹⁰ На родине президента, в с. Бутка была установлена памятная доска, сам дом отца пока не стал объектом музеефикации.

тывая поведенческие стратегии посетителей: экскурсии, самостоятельный обзор, детальное изучение имеющихся ресурсов. Главная задача, которую решали разработчики, – приблизить прошлое к человеку, погрузить его в историческую среду, дать прикоснуться к вещам, документам, услышать голоса эпохи. Фотографии, медиа, текстовые документы, песни тех лет – все нацелено на создание эмоциональной атмосферы соучастия в реальных событиях, на понимание сложности исторического выбора: событие не маркируется, за посетителем остается право дать свою оценку происходящему. Так создается эффект «правды» о человеке, принявшем на себя груз ответственности в сложные для страны годы.

По признанию работников центра, «рассказывая о ключевых событиях XX века в России, музей Ельцина имеет схожий с советскими музеями ключевой концепт “движения к свободе”, но исходит из другой системы ценности и оценок» [Соколовская 2016]. С этих позиций Ельцин-центр можно рассматривать как мемориальный социально-политический музей нового поколения, построенный на принципах многофункциональной интеграции музейных предметов, образов, познавательных практик, имитирующих эффект присутствия. Такой подход снижает критический накал и призывает к взвешенной рефлексии, но не следует забывать, что подбор информации и артефактов нацелен на увековечение памяти политика, объективно способствуя его будущей канонизации, если не как «святого», то как «героя» нового государственного мифа свободной России.

Выводы

На протяжении XVIII–XX вв. мемориальные музеи существенно изменились, постепенно трансформируясь из мест сохранения памяти о личностях, транслирующих персональные истории (персональная меморизация), в многофункциональную среду конструирования исторического образа эпохи. В этом случае неизбежно происходит выход за пределы приватного пространства. Современные мемориальные музеи пытаются воссоздать более широкий пласт исторической реальности, нежели просто дом, обстановку, историю личности.

Особенно заметна трансформация политических мемориальных музеев, где прием апеллирования к историческим событиям выражен намного сильнее, чем, например, в музеях ученых, писателей, художников, музыкантов и других представителей творческих профессий. Это неудивительно, поскольку политик, государственный деятель всегда тесно связан с историей страны, а его персональная история включена в национальный, а иногда и международный контекст.

В настоящее время мемориальные музеи создаются по заказу и при активном участии государства, выступая агентами нового государственного мифа. Но нередко инициатива создания мест памяти идет

снизу, от обычных людей – граждан, часто близких родственников или друзей, общественных организаций, формируя стихийные меморативные практики. Они являются отражением бытующих в обществе представлений о роли разных политических деятелей, представителей культуры и науки. Такие встречные практики позволяют судить о наличии альтернативных образов прошлого и их конфликтности.

Основная функция современных мемориальных музеев – не просто сохранение и демонстрация реликвий, она шире. Эти музеи – свидетельство исторической правды государственного мифа, манифестация целей новой государственности, ее легитимности и закономерности. Образуя контактное пространство, музеи позволяют соприкоснуться с исторической личностью, в результате чего меняется ее восприятие: человек становится близким, понятным, знакомым, отношение к нему эмоционально окрашивается, происходит приватизация «чужого» опыта, мыслей, идей и осознание их как «своих».

Благодаря компьютерным технологиям, мемориальные музеи превратились в технически сложные объекты, где музейный предмет или документ / артефакт уступает место действию / демонстрации, которое уместно обозначить термином «перформанс». Это объективно усиливает их мифотворческую миссию, способствуя символическому конструированию исторической памяти. С развитием музейных технологий, особенно мультимедийных, воздействие музейной информации на сознание усиливается, она приобретает кодирующие свойства. Создание эффективной системы коммуникаций, нацеленной на информирование, обучение, общение, отдых обеспечивает включение музейной информации в коллективную память. Ставка на визуальный эффект и использование приемов нейролингвистического программирования хорошо видны в музейном проекте «Россия – моя история», который транслирует новый государственный миф Великой России как исторического пространства трех империй: Петровской, Сталинской и Путинской. В этом смысле идеология исторического парка «Россия – моя история» противостоит концепции Ельцин-центра, поскольку происходит заметное переосмысление концепта «свободы»: он понимается по-разному в контексте представлений о «демократии» или «величии». Возможно поэтому Ельцин-центр становится объектом политических нападков и претензий со стороны защитников имперского прошлого.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Акулич Е.М. Музей как социокультурный институт // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 89–92 [Akulich E.M. Muzej kak sociokul'turnyj institut // Sociologicheskie issledovaniya. 2004. № 10. S. 89–92]
- Алехина Ю. Появление Сталина на школьных тетрадях раскололо общество на правозащитников и всех остальных // Комсомольская правда. 31 марта 2012 г. [Alekhina Yu. Poyavlenie Stalina na shkol'nyh tetradyah raskololo obshchestvo na pravozashchitnikov i vsekh ostal'nyh // Komsomol'skaya pravda. 31 marta 2012 g.]

- Божченко О.А. Историческая память как форма музейной рефлексии // Вестник Санкт-Петербургского государств. ун-та культуры и искусств. 2012. № 3 (12). С. 112–116 [Bozhchenko O.A. Istoricheskaya pamyat' kak forma muzejnoj refleksii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2012. № 3 (12). S. 112–116]
- Болтунова Е. Пространство (ушедшего) героя: образ лидера, историческая память и мемориальная традиция в России (на примере Ельцин-центра) // НЛЮ. 2017. 2 (144). С. 154–173 [Boltunova E. Prostranstvo (ushedshego) geroya: obraz lidera, istoricheskaya pamyat' i memorial'naya tradiciya v Rossii (na primere El'cin-centra) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2017. № 2 (144). S. 154–173. URL: <http://nlobooks.ru/node/8356>]
- Буринская Е.Н. Библиотеки-музеи как форма сохранения исторической памяти региона // XX век. Две России – одна культура. СПб., 2006. С. 292–300 [Burinskaya E.N. Biblioteki-muzei kak forma sohraneniya istoricheskoy pamyati regiona // XX vek. Dve Rossii – odna kul'tura. SPb., 2006. S. 292–300].
- Воронцова Е.А. Музей как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки // Диалог со временем. 2014. Вып. 49. С. 163–189 [Voroncova E.A. Muzej kak bazovyy ehlement informacionnoj infrastruktury istoricheskoy nauki // Dialog so vremenem. 2014. Vyp. 49. S. 163–189].
- Грусман В.М. Музей как институт формирования исторической памяти // Известия Российского государств. педагогич. ун-та им. А.И. Герцена. 2007. Т. 8. № 35. С. 92–99 [Grusman V.M. Muzej kak institut formirovaniya istoricheskoy pamyati // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo un-ta im. A.I. Gercena. 2007. T. 8. № 35. S. 92–99]
- Гуйссен А. Бегство от амнезии: музей как массмедиа // Искусство. 2012, 2 (581). С. 36–51 [Guyjssen A. Begstvo ot amnezii: muzej kak massmedia // Iskusstvo. 2012, 2/581. S. 36–51]
- Декрет о памятниках республики от 12 апреля 1918 г. // Декреты советской власти: в 15 т. Т. 2. 17 марта – 10 июля 1918 г. М.: Государств. изд-во полит. лит-ры, 1959. С. 95–97 [Dekret o pamyatnikah respubliki ot 12 aprelya 1918 g. // Dekrety sovetskoj vlasti: v 15 t. T. 2. 17 marta – 10 iyulya 1918 g. M.: Gosudarstv. izd-vo polit. lit-ry, 1959. S. 95–97]
- История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1945 [Istoriya Vsesoyuznoj Kommunisticheskoy partii (bol'shevikov). Kratkij kurs. M., 1945]
- История музея // Государственный музей политической истории России [сайт]. URL: <http://www.polithistory.ru/museum/history/view.php?id=2527> [Istoriya muzeya // Gosudarstvennyj muzej politicheskoy istorii Rossii [sajt].
- Косторакова Г.Е. Музееведение. Курс лекций. Ростов-на Дону: РИС ЮРГУЭС, 2003 [Kostorakova G.E. Muzeevedenie. Kurs lekcij. Rostov-na-Donu: RIS YURGUEHS, 2003. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/4339073/page:2/>]
- Красильникова Е.И. Особенности репрезентации исторического прошлого в экспозиции Омского музея в 1920-е гг. // Вопросы музеологии. 2011. № 2 (4). С. 91–103 [Krasilnikova E.I. Osobennosti reprezentacii istoricheskogo proshlogo v ehkspozicii Omskogo muzeya v 1920-e gg. // Voprosy muzeologii. 2011. № 2 (4). S. 91–103]
- Мазур Л.Н. События советского прошлого в исторической памяти современной молодежи: механизмы формирования, поддержания, трансформации // Событие в истории, исторической памяти и нарративах идентичности / под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. С. 309–341 [Mazur L.N. Sobytiya sovetskogo proshlogo v istoricheskoy pamyati sovremennoj molodezhi: mekhanizmy formirovaniya, podderzhaniya, transformacii // Sobytie v istoricheskoy pamyati i narrativah identichnosti / pod red. L.P. Repinoj, M.: Akvilon, 2017. S. 309–341]
- Марков Б.В. История и память // Вестник СПб ун-та. 2009. Сер. 6. Вып. 4. С. 66–73 [Markov B.V. Istoriya i pamyat' // Vestnik SPb universiteta. 2009. Ser. 6. Vyp. 4. S. 66–73]
- Мастеница А.М. Социальные функции музея в глобальном мире // Труды Санкт-Петербургского государств. ун-та культуры и искусств. 2015. Т. 210. С. 229–236 [Mastenica A.M. Social'nye funkcii muzeya v global'nom mire // Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2015. T. 210. S. 229–236]
- Мемориальные музеи // Российская музейная энциклопедия [сайт]. URL: http://www.museum.ru/rme/sci_mem.asp [Memorial'nye muzei // Rossijskaya muzejnaya enciklopediya. URL: http://www.mu-seum.ru/rme/sci_mem.asp]

- Наварро О. История и память в современном музее: несколько замечаний с точки зрения критической музеологии // Вопросы музеологии. 2010. № 2. С. 3–11 [Navarro O. Istorija i pamjat' v sovremennom muzeje: neskol'ko zamechanij s točki zrenija kritičeskoj muzeologii // Voprosy muzeologii. 2010. № 2. S. 3–11]
- Николаева М.Ф. Динамика образа в советском плакате (1917–1941) и модели идентификации советского человека // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 372–386 [Nikolaeva M.F. Dinamika obraza vraga v sovetskom plakate (1917-1941) i modeli identifikacii sovetskogo čeloveka // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 39. S. 372–386]
- Нора П. Франция-память / П. Нора и др. / СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999 [Nora P. Franciya-pamyat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok. SPb.: Izd-vo SPb. un-ta, 1999]
- Нурлигенова З.Н. Память, хранимая столетиями (из истории карагандинского областного историко-краеведческого музея) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2012. № 2. С. 12–15 [Nurligenova Z.N. Pamyat', hranimaya stoletiyami (iz istorii karagandinskogo oblastnogo istoriko-kraevedčeskogo muzeya) // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij. 2012. № 2. S. 12–15]
- Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 января 1965 г. «О порядке наименования и переименования административно-территориальных единиц, населенных пунктов, предприятий, колхозов, учреждений и организаций, улиц и площадей РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1965. № 5. С. 114 [Postanovlenie Prezidiuma Verhovnogo Soveta RSFSR ot 28 yanvarja 1965 g. «O porjadke naimenovanija i pereimenovanija administrativno-territorial'nyh edinic, naselennyh punktov, predpriyatij, kolhozov, uchrezhdenij i organizacij, ulic i ploščadej RSFSR» // Vedomosti Verhovnogo Soveta RSFSR. 1965. № 5. S. 114]
- Резник И.И. Музей как утверждение бессмертия // Вестник Омск. ун-та. 2012. № 3. С. 69–71 [Reznik I.I. Muzej kak utverzhenie bessmertija // Vestnik Omsk. un-ta. 2012. № 3. S. 69–71]
- Ростовцев Е.А., Сидорчук И. В. Музей и историческая память в современной России // Вопросы музеологии. 2014. 2/10. С. 16–21 [Rostovcev E.A., Sidorčuk I.V. Muzej i istoričeskaja pamjat' v sovremennoj Rossii // Voprosy muzeologii. 2014. 2/10. S. 16–21]
- Румянцева М.Ф. Проблема коммеморации метанарратив – места памяти – ренарративизация // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 16-31 [Rumjanceva M. F. Problema kommemoracii metanarrativ – mesta pamjati – renarrativizacija // Dialog so vremenem. 2016. Vyp. 54. S. 16-31]
- Румянцева М.Ф. Музейная экспозиция как форма репрезентации / позиционирования актуального исторического знания: от постмодерна к постпостмодерну // Роль музеев в формировании исторического сознания. М., 2012. С. 16–27 [Rumjanceva M.F. Muzejnaja ehkspozicija kak forma reprezentacii / pozicionirovanija aktual'nogo istoričeskogo znaniya: ot postmoderna k postpostmodernu // Rol' muzejev v formirovanii istoričeskogo soznaniya. M., 2012. S. 16–27]
- Соколовская М.В. Взятые баррикады // Историческая экспертиза. 2016. № 3. С. 316–333 [Sokolovskaja M. V. Vzyatyje bariikady // Istoričeskaja ehkspertiza. 2016/3. S. 316–333]
- Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 10. С. 494 [Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR «Ob uporyadočeniei dela prisvoeniya imen gosudarstvennyh i obščestvennyh deyatel'ej krayam, oblastyam, rajonom, a takzhe gorodam i drugim naselennym punktam, predpriyatijam, kolhozam, uchrezhdenijam i organizacijam» // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1957. № 10. S. 494]
- Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 января 1968 г. «О порядке присвоения имен государственных и общественных деятелей улицам, площадям и другим составным частям населенных пунктов РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1968. № 5. С. 191 [Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta RSFSR ot 30 yanvarja 1968 g. «O porjadke pri-svoeniya imen gosudarstvennyh i obščestvennyh deyatel'ej ulicam, ploščadym i drugim sostavnym častyam naselennyh punktov RSFSR» // Vedomosti Verhovnogo Soveta RSFSR. 1968. № 5. S. 191]

- Уткина Н.А. К истории музеефикации Нижегородского кремля: «с отточенным как из слоновой кости верхом головы» или «голова лысая, как голая колбенка!» // Диалог со временем. 2013. Вып. 42. С. 256–270 [Utkina N.A. K istorii muzeifikacii Nizhegorodskogo kremlja: «s ottochennym kak iz slonovoj kosti verhom golovu» ili «golova lysaya, kak golaya kolbenka!» // Dialog so vremenem. 2013. Вып. 42. С. 256–270]
- Федеральный закон Российской Федерации от 13 мая 2008 г. N 68-ФЗ «О центрах исторического наследия президентов Российской Федерации, прекративших исполнение своих полномочий». URL: <http://yeltsin.ru/uploads/about/68fz.pdf> [Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 13 maja 2008 g. N 68- FZ «O centrach istoricheskogo naslediya prezidentov Rossijskoj Federacii, prekrativshih ispolnenie svoih polnomochij». URL: <http://yeltsin.ru/uploads/about/68fz.pdf>]
- Хартанович М.Ф. Первый музей России // Русская история. 2014. № 1 [Hartanovich M.F. Pervyj muzej Rossii // Russkaja istoriya. 2014. № 1. URL: <http://rus-istoria.ru/component/k2/item/966-pervyy-muzej-rossii>]
- Шнирельман В.А. Музей и конструирование социальной памяти: культурологический подход // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 8–26. [SHnirel'man V.A. Muzej i konstruirovanie social'noj pamjati: kul'turologicheskij podhod // Etnograficheskoe obozrenie. 2010. № 4. С. 8–26.]
- Anderson M., Reeves A. Contested identities: museums and the nation in Australia // Museums and the making of “ourselves”. The role of objects in national identity / Ed. by F.E.S. Kaplan. Leicester, 1996. P. 79–124.
- Kelly C. Making a home on the Neva: domestic space, memory, and local identity in Leningrad and St. Petersburg, 1957 – present // Laboratorium. 2011. Vol. 3. № 3. P. 53–96.
- Мазур Людмила Николаевна, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина; Lmaz@mail.ru*

Memorial museums of political figures in the space of the historical memory of modern Russia

The article examines the role of memorial museums in the design of the state myth and historical memory. The structure of the museum-memorial space of Russia, its dynamics throughout the 20th – early 21st c. is analyzed. Particular attention is paid to the description of the memorial museums of the leaders of the Soviet state –Lenin, Stalin and their influence on the historical memory of Russian society. The functions of the museum in the context of social engineering mechanisms, as well as the place and role of Yeltsin's Presidential Center in shaping the image of Russia in the 1990s, are disclosed.

Keywords: museums, memorial museums, Soviet myth, the image of time

Ljudmila Mazur, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Head of the Department of Document Management, Archives and History of Public Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; Lmaz@mail.ru